ПЁТР ЛОПАТОВСКИЙ

ТЕНИ НА СТЕНАХ

Петр Лопатовский

Тени на стенах

«Автор»
2026

Лопатовский П.

Тени на стенах / П. Лопатовский — «Автор», 2026

Лефортовский туннель, открытый в 2003 году, стал самым протяжённым в Москве, но запомнился горожанам вовсе не этим. В первые годы после запуска он снискал мрачную славу из за пугающе частых ДТП: аварии следовали одна за другой, будто сам туннель притягивал беду. Со временем шумиха вокруг этого объекта постепенно утихла, оставив о нём лишь городские легенды и конспирологические теории. Но время от времени, туннель напоминает о себе. Письмо в прокуратуру возвращает к жизни старое дело об аварии в Лефортовском. Молодой следователь вместе с помощником втягиваются в расследование, где каждый ответ рождает новые загадки. Они видят, как за фасадом обычных ДТП прячется чья-то расчётливая воля, но суть тайны туннеля остаётся скрытой — словно он сам не даёт докопаться до истины. И чем настойчивее герои ищут разгадку, тем сильнее чувствуют: туннель не просто место преступления, он — его часть.

© Лопатовский П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Голос из прошлого 5
Тень СМТ 10
Наследник 14
Войтинский 18
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Петр Лопатовский
Тени на стенах

Голос из прошлого

«Все персонажи и события в этой книге вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми и ситуациями случайны. Упомянутые теории и версии о причинах происшествий в Лефортовском туннеле используются в художественных целях и не являются утверждением их достоверности».

Лефортовский туннель, открытый в 2003 году, стал самым протяжённым в Москве, но запомнился горожанам вовсе не этим. В первые годы после запуска он снискал мрачную славу из-за пугающе частых ДТП: аварии следовали одна за другой, будто сам туннель притягивал беду. Со временем аварийность удалось снизить, и шумиха вокруг объекта постепенно утихла, оставив о нём лишь городские легенды и конспирологические теории.

Москва, 2007 год.

Раннее утро. По Лефортовскому туннелю, под сердцем столицы, двигался чёрный, с затемнёнными стёклами Range Rover Vogue. За рулём сидел Алексей Широков. Основатель и генеральный директор строительной компании «ГрадоВек». Он ехал один. Его водитель, Семён Карпов, сегодня не вышел на работу из-за простуды. Алексею некогда было искать замену, и он сам сел за руль. На важную встречу с заказчиками опоздать было нельзя.

Лефортовский туннель. 08:17. Широков, одной рукой держась за баранку, провёл другой по глазам. Голос диктора в радио, монотонно говоривший о новом мосте через Яузу, стал прерываться от помех. Алексей переключил магнитолу на CD. Первые 800 метров туннеля позади. Свет жёлтых ламп, однообразный гул шин по асфальту и бесконечные тени на стенах. Впереди никаких машин, позади тоже немного. Пройдено уже 1,2 км из 2,5. Вдруг Широков ощутил, что пол кабины слегка накренился влево. Одновременно звук мелодии из магнитолы стал как будто замедляться. Стрелка спидометра начала дёргаться — то 90, то 85, то снова 90.

— Какого… — прошептал Широков и сжал руль сильнее.

Перед его глазами появилась лёгкая желтоватая дымка.

— Всё нормально, всё нормально, — пытался успокоить себя водитель, но мысли уже стали рассыпаться, превращаясь в хаотичный набор образов и звуков.

Десять лет спустя. Прокуратура Центрального округа Москвы.

Хотя Андрею Митрошину исполнилось только двадцать семь, он уже успел зарекомендовать себя как один из самых перспективных следователей в управлении. В его послужном списке значились несколько громких дел, расследования которых завершились высокой оценкой руководства. За раскрытие одного из них — сложного уголовного дела с участием высокопоставленного чиновника — он был официально отмечен благодарственной грамотой. Коллеги ценили его за аналитический склад ума и умение сохранять спокойствие в любых обстоятельствах, руководство — за дисциплину, инициативность и способность доводить начатое до конца. Карьерное будущее Митрошина виделось светлым и очень перспективным. Его имя всё чаще всплывало в разговорах о будущем начальнике следственного отдела. Именно этому молодому следователю попало на стол странное письмо. Оно пришло от некоего Семёна Карпова. Письмо было написано чётким твёрдым почерком. *«… В 2007 году я работал водителем у генерального директора компании «ГрадоВек» Алексея Широкова. В день его гибели, 12 ноября, я не вышел на работу, сославшись на болезнь. На самом деле потому, что получил*

500 тысяч рублей от Виталия Войтинского — партнёра Алексея по бизнесу. Он не сказал, зачем это ему нужно, но я согласился. Очень нужны были деньги. Но когда я узнал, что Алексей погиб, то понял, что это не случайность, как считало следствие, а спланированное убийство, организованное Войтинским. Через год мне стало понятно, зачем ему это было нужно. Он хотел занять место Широкова во главе компании. Так и произошло. Алексей был мозгом компании, а Войтинский отвечал за финансовые вопросы и был знаком со всей кухней. Устав компании предусматривал, что в случае смерти генерального директора его полномочия временно переходят к первому заместителю, то есть Войтинскому. Но это не гарантировало ему должность генерального. Он знал, как переоформить доли, пользуясь лазейками в уставе, с кем из акционеров нужно наладить отношения. Он всё сделал так, чтобы ни у кого не возникло никаких подозрений. Через год после смерти Алексея Войтинский инициировал внеочередное собрание акционеров и провёл реорганизацию. Он сократил число акционеров, убрав тех, кто не хотел видеть его во главе компании. Затем выкупил долю семьи Широкова, сославшись на «финансовые риски». Они согласились, думаю, под его давлением. Так Войтинский стал единоличным владельцем «ГрадоВек». Я до сих пор молчал, потому что боялся за свою жизнь. Но теперь, позаботившись о своей безопасности, хочу всё рассказать. Прошу, возобновите расследование и привлеките Войтинского к ответу».

После ознакомления с материалами о гибели Широкова, Андрей Митрошин записал в своём блокноте: «Что касается взятки водителю, то кроме письма Карпова никаких доказательств нет. Экспертиза Land Rover'а показала, что автомобиль был полностью исправен и проходил все необходимые ТО и профилактику. Что касается Широкова, то тут зацепиться вообще не за что. Вскрытие не выявило ничего, что могло сказаться на его физическом состоянии. Он не употреблял алкоголь, активно занимался спортом и следил за здоровьем. Вдобавок большой водительский стаж при отсутствии штрафов. Со слов жены и сына, в ночь перед аварией он выспался и утром был спокоен и даже много шутил». На письмо Митрошина с просьбой встретиться Карпов не ответил. На запрос о нём в Таиланд, куда, со слов его матери, уехал Семён, ответа пока не было. Похоже, он действительно позаботился о своей безопасности. И это было дополнительным аргументом, что его письмо — правда. Следствие повисло в воздухе. Мотив, конечно, есть, но нет доказательств. Свидетеля тоже нет. Есть только письменное признание Карпова. Митрошин навёл справки о текущей ситуации в компании «ГрадоВек». Оказалось, что компания уже несколько лет как крепко увязла в долгах. Интересная деталь: Виталий Войтинский закрыл офис на Красноказарменной улице, рядом с тем самым туннелем, где десять лет назад погиб его партнёр, и открыл новый на Ленинском проспекте. На данный момент, он готовит свою компанию к поглощению корпорацией СМТ — строительным монстром-монополистом, взявшим на себя практически все стройки столицы. Это поглощение могло произойти ещё в 2007-м, но путь к нему преградил Широков. Теперь, если всё получится, Войтинский сможет уйти на заслуженный отдых, полностью обеспечив себя и своих близких. Следователь откинулся в кресле и задумался.

— Вот тут осторожней. СМТ — это не какое-нибудь строительное управление. Тут можно себе и хребет сломать.

За годы службы Митрошин не просто набрался опыта. Он понял правила игры. Узнал, как устроен столичный мир, и не тот, что за окном, а настоящий, живущий за закрытыми дверями. Усвоил, кто на самом деле принимает решения, кто стоит за фасадами корпораций и большими сделками. Научился чувствовать, когда стоит давить, а когда нужно выждать. И теперь, стоя на пороге дела Широкова, он чувствовал, что для него это не просто расследование. Это проверка. Проверка того, насколько глубоко он готов зайти. Митрошин убрал бумаги в папку и помассировал пальцами глаза.

— Одно дело, если бы этот Войтинский подстроил гибель своего партнёра, чтобы завладеть компанией. Тут всё понятно — чистый криминал. А вот если он действовал не один, да ещё в связке с кем-то из боссов СМТ, то тут всё очень непросто.

Возможность спустить дело на тормозах у Митрошина была: Карпов исчез, а в своём письме он не привёл никаких деталей, как именно была подстроена авария. Без этого предъявлять обвинения Войтинскому не было никаких оснований. Но Андрей был молод и полон того азарта, который делает обычных следователей по-настоящему крутыми. Он чувствовал, что Карпов говорил правду о взятке, а единственный выгодоприобретатель от гибели Широкова — это его партнёр. Значит, основания есть.

— Да, сначала надо проверить, действительно ли там замешана СМТ. Бросить пробный камень и посмотреть, как пойдут круги по воде, — подумал Андрей. — Но кто бы мог мне в этом помочь?

Тут он вспомнил об одном из тех, кого считал своими учителями. Об Олеге Николаевиче Жданове.

— Старик на пенсии, но какие-то дела ещё берёт, в частном порядке, и чуйка у него не ослабла.

Он достал телефон и набрал номер.

— Алло, Олег Николаевич, день добрый. Это Андрей Митрошин.

— Андрей, рад слышать. Что-то ты меня забыл совсем: не звонишь, не заходишь.

— Нет, не забыл, просто всё дела и проблем хватает всяких…

— У тебя вопрос ко мне или так позвонил?

— Да, просто решил набрать. Хотя, чего греха таить, дело у меня к вам. И лучше бы не по телефону.

— Ну что же, раз так, то приезжай ко мне. Я как раз с дачи вернулся.

— Вы по-прежнему на Шаболовке?

— Да, всё там же. Если срочно, можешь сегодня приехать. Я ложусь поздно, так что время поговорить есть.

— Спасибо, Олег Николаевич, уже выезжаю.

Митрошин остановил машину у панельной многоэтажки на Шаболовке. Дождь уже перестал, но асфальт блестел, отражая тусклый свет фонарей. Консьержка настороженно спросила, к кому, но, услышав фамилию Жданов, сразу смягчилась и кивнула:

— Третий этаж. Он дома.

Митрошин не поехал на лифте. Он не спеша поднялся по лестнице, давая себе время подумать.

— А не подставлю ли я его с этим делом? — мелькнула мысль. — Пожалуй, нет. Он сразу поймёт, с кем придётся иметь дело. Если откажется — значит, не стоит и мне туда лезть. А если возьмётся — значит, что-то там точно есть. А я буду рядом и в нужный момент смогу перехватить. В конце концов… дело похоже крупное.

Он позвонил. Дверь открылась почти сразу. На пороге стоял Олег Николаевич Жданов. Его седые волосы, как всегда, аккуратно острижены, подбородок гладко выбрит.

— Проходи, — просто сказал он.

Митрошин вошёл. Квартира с запахом дорогого табака и библиотеки. Стена справа увешана картами Москвы разных лет, от СССР до нулевых. На полках над столом ровными рядами стояли папки с этикетками: «Капотня, 1998», «Диаспоры», «Дело Рыжова». На столе две фотографии: молодой Жданов в форме, рядом с ним мэр Москвы Юрий Лужков, стоят на фоне строящейся башни «Москва-Сити», и большое фото супруги в серебряной рамке.

— Садись, — сказал Олег Николаевич, наливая чай из фарфорового чайника. — Рассказывай. Раз приехал — значит, дело и вправду срочное.

Митрошин сел и положил на стол кожаную папку. Перед Ждановым он всегда чувствовал себя как студент у профессора, и даже сейчас, когда сам уже был следователем с пятилетним стажем.

— Да, срочное… — начал он с паузой. — Десять лет назад в Лефортовском туннеле погиб Алексей Широков. Глава строительной компании «ГрадоВек». Официальная причина: не справился с управлением. Вероятно, отвлёкся на что-то. Техническая экспертиза автомобиля, а также результаты вскрытия Широкова и его медицинские документы подтверждают эту версию.

Жданов слушал, не перебивая.

— Но два дня назад пришло письмо от его водителя, Семёна Карпова. Говорит: партнёр Широкова Виталий Войтинский заплатил ему, чтобы в день аварии он не вышел на работу. Поэтому за рулём в тот день был Широков.

— И? — спросил Жданов, отхлебнув чай.

— Он считает, что авария была подстроена, чтобы Виталий Войтинский стал главой компании. В итоге так всё и произошло.

Жданов кивнул.

— Я немного покопал вокруг этой компании, «ГрадоВек», и кое-что нашлось.

Митрошин сделал паузу.

— Вы наверняка знаете строительную корпорацию СМТ. Так вот они пытались купить «ГрадоВек» ещё до аварии, но не получилось. Широков отказался. А менее чем через год он погиб. На сегодня соглашение с СМТ о продаже своей компании Войтинский подписал. Остались какие-то юридические мелочи.

Жданов поставил чашку.

— СМТ, — повторил он. — Да. Я их знаю. Они строят очень высокие и очень дорогие дома.

Олег Николаевич усмехнулся.

— А знаешь, что они строили раньше?

— Тоже дома, только дешёвые?

— Нет, Андрей. Они строили путепроводы и тоннели. Ещё в девяностых.

— Лефортовский тоже?

— Да.

Митрошин почувствовал, как у него вспотели ладони.

— Вот это поворот, — прошептал он.

— Так что твои предположения всё больше похожи на правду. А чем, собственно, я могу тебе помочь?

Митрошин замялся.

— Олег Николаевич… вы понимаете, тут есть один момент…

— Я понял, Андрей, — перебил Жданов. — Ты совершенно прав. Как только в деле появится аббревиатура СМТ, каждое твоё действие начнут рассматривать в микроскоп. И твоему начальству это точно не понравится. Вот если бы у тебя на руках были неопровержимые доказательства причастности кого-то из них — тогда можно рискнуть.

Следователь посмотрел прямо в глаза Митрошину:

— Но вопрос твой такой: как начать работать над этим, чтобы ни ты, ни прокуратура не были замешаны? Хотя бы на первом этапе.

— Вы всё верно поняли, — кивнул Андрей. — Я не знал, к кому ещё можно обратиться. Если вы откажетесь… я пойму. И, честно говоря, даже обрадуюсь.

— Прости, Андрей, — усмехнулся Жданов, — но такой радости я тебе не доставлю.

Он встал, подошёл к шкафу, достал пустую папку.

— Я возьмусь. Но есть условие.

— Все расходы я беру на себя, — быстро сказал Митрошин.

— Это само собой, — отмахнулся Жданов. — Я о другом. Мне нужен полный доступ ко всем документам по делу. И… грамотный консультант по юридическим и финансовым вопросам. Кто-то, кто разбирается в корпоративных схемах, в уставах, в выводе активов. У тебя есть такой человек?

— Да, — кивнул Митрошин. — Есть. Марина Волкова. Бывший юрист «Роснефти», сейчас работает независимо, как консультант по правовым вопросам, но в финансах тоже разбирается. Я её уже предупредил. Если вы согласны, то я вас завтра же познакомлю.

— Хорошо, — кивнул Жданов. — Завтра.

Он подошёл к окну, открыл форточку. В комнату ворвался прохладный воздух.

— А вы действительно считаете, что тут может что-то получиться? — спросил Митрошин.

Жданов обернулся.

— Пока сложно сказать. Время покажет.

Эти слова многое сказали Митрошину. Жданов не сомневался. Он почуял что-то. Как старый охотник чувствует присутствие дичи в лесу. Значит, это дело не скоро окажется на полке.

Тень СМТ

Всё утро и день Жданов разбирался с делом Широкова, которое ему принёс Митрошин. Он сидел за рабочим столом в своей квартире на Шаболовке, обложившись документами, которые подготовил для него Митрошин. Там были банковские выписки, медицинское и техническое заключения и многое другое. Ноябрь сократил длину светового дня до минимума. За окнами была непроглядная темень, и только уличные фонари тускло освещали городские улицы. С минуты на минуту к нему должна была прийти Марина Волкова — консультант, рекомендованный Митрошиным, с которой он уже дважды говорил по телефону и, похоже, нашёл общий язык. На рабочем столе рядом с ноутбуком стояла чашка остывшего кофе, про который следователь совсем забыл. Дело оказалось сложнее, чем казалось, но за другое он бы и не взялся. Жданов взял со стола уже набитую трубку и зажигалку, но в этот момент в дверь позвонили. Олег Николаевич поднялся, прошёл в прихожую и открыл дверь.

— Здравствуй, Марина, как добралась? — вежливо произнёс он и пропустил гостью в квартиру.

Это была молодая женщина, довольно высокая, с живыми серыми глазами. У неё были тонкие губы, но эта строгость в облике не портила, а напротив, придавала ей некоторый шарм.

— Здравствуйте, Олег Николаевич, нормально, — произнесла она, снимая пальто.

Жданов галантно его подхватил и повесил на вешалку.

— Можно не разуваться, — сказал он, заметив на Марине высокие сапоги.

— Простите, что опоздала.

— Ты пунктуальнее многих мужчин. Пятнадцать минут не выходят даже за рамки этикета. Проходи в гостиную и располагайся. Тебе кофе или чай?

— Кофе, чёрный, если можно.

Марина села за стол и достала из сумки планшет. Вскоре из кухни появился Жданов с двумя чашками кофе. Он поставил одну рядом с Мариной и сел напротив.

— Ну рассказывай, что узнала, — сказал он, потерев ладони в предвкушении.

— Да, узнала достаточно. Компания «ГрадоВек» на грани банкротства. Формально ещё работает, но активы заморожены, долги растут. До недавнего времени основным кредитором был банк «Строймашфинанс». Но долг у них выкупили за 15% от номинала компания «СМТ-Финанс». Это дочка СМТ. Теперь они требуют от «ГрадоВек» погашения.

— И если не погасят?

— СМТ получает всё: землю, проекты, технику, бренд. По сути — бесплатно. Я думаю, погасить долг «ГрадоВек» не в состоянии.

— А сколько стоила компания в 2007-м?

— Около 1,1 млрд рублей. Сейчас СМТ готовы выкупить её за 320 млн, и то только если «ГрадоВек» признают банкротом. То есть — за их же долги.

— В три раза дешевле.

— Более чем в три. Даже с учётом всех их проблем это не рыночная цена.

Жданов помолчал, обдумывая сказанное, и затем спросил:

— А Войтинский?

— Вот тут интереснее.

Марина включила планшет и положила себе на колени.

— С 2008-го он часто брался за странные, если не сказать сомнительные, проекты. Не по профилю. Например, реконструкция детсада в Люберцах стоимостью 80 млн и с прибылью 2%. Строительство огромного склада для рыбной фабрики в Рязанской области. Там ни дорог, ни инфраструктуры, и логистика — убыточная. Или вот ещё. Ремонт канализации в Ногинске. Там даже тендера не было. Взяли так, по прямому договору.

— И?

— Все эти проекты мелкие и низкомаржинальные, но с высокой видимостью. Как будто он доказывал, что компания жива.

— А на самом деле?

— На самом деле он фактически вёл её к своему концу. В 2008-м открыл новый офис в Москве, но это единственное обновление за всё время его руководства. Войтинский не вкладывал в развитие компании, а только использовал имеющиеся активы. За последние три года продал филиалы в регионах, уволил ключевых инженеров, свернул два крупных ЖК.

— Зачем?

— Со стороны это может выглядеть как попытки снизить затраты и одновременно уменьшить долговое бремя. Но на самом деле снижалась и стоимость компании. Чтобы, когда СМТ их выкупят, никто не сказал: «Ай-яй-яй, это грабёж, вы купили за копейки полноценную компанию, так нельзя!»

Жданов кивнул.

— То есть Войтинский уничтожил наследие Широкова, но сделал это так, чтобы СМТ, когда купят «ГрадоВек», выглядели не как захватчики, а как спасатели.

— Сейчас всё выглядит именно так.

— А документы, подтверждающие это, есть?

— Ничего прямого, только косвенные следы. Мои возможности сильно ограничены. Хорошо бы иметь на руках переписку Войтинского и СМТ. С переводами они тоже очень аккуратны, схватиться пока не за что.

— Ты сказала, есть косвенные следы.

— Да, например, совпадение дат. Через три дня после того, как СМТ приняли заявку на строительство ЖК «Созвездие», Войтинский вдруг берётся за дорожную инфраструктуру около этого ЖК. Проект, который финансируется из тех же источников. Или: многие их контракты из числа сомнительных проходят через одну юридическую фирму — «ЮрСтройКонсалт».

— А она?

— Принадлежит офшору на Британских Виргинских островах, но конечный бенефициар связан с СМТ. Я ещё копаю. В этих случаях «ГрадоВек» выглядит почти как филиал СМТ.

Жданов откинулся на спинку стула.

— Значит, у нас пока есть: письмо Карпова, финансовая деградация «ГрадоВек» из-за странных действий Войтинского, и СМТ, которые ждут момента, чтобы всё забрать.

— Да.

— Значит, есть мотив, но нет прямой связи между СМТ, Войтинским и гибелью Широкова. Главное — нет доказательств убийства, — проговорил Жданов. — Да, пока Митрошину нечего предложить.

Он встал.

— Значит, пора с ним поговорить.

— С кем?

— С Войтинским.

— Олег Николаевич… — сказала Марина настороженно. — Он совсем не такой простой человек, как могло показаться, и если почувствует давление…

— Я не буду давить. Я просто поговорю и заодно посмотрю ему в глаза.

— А если он откажет?

— Тогда я скажу, что у нас есть новые свидетели и финансовая проверка его компании начнётся со дня на день.

— Это же блеф.

— Да. Но в правильных руках блеф сильнее слабых фактов. Мне нужно понять: он боится или уверен, что всё под контролем?

Марина убрала планшет в сумку и поднялась.

— Будьте осторожны, Олег Николаевич.

— Я всегда осторожен, — с улыбкой произнёс Жданов. — Вас проводить до машины?

— Да, будьте любезны.

Жданов помог одеться Марине и накинул пальто.

— Заодно пройдусь немного. А то сегодня не выходил, — сказал он, открывая дверь.

Олег Николаевич вернулся через полчаса, погружённый в свои мысли. Слова Марины о Войтинском не шли у него из головы.

— Она права, не стоит так форсировать встречу с ним. У меня нет даже основания для этой встречи, по большому счёту. Нужно подготовиться.

С утра Жданов начал готовиться к встрече с главой «ГрадоВека». Он сделал глоток из кружки с надписью «Лучший следователь 97» и поставил её на стол. Потом раскрыл папку с названием «Алексей Широков. Дело № 11-07/448» и стал медленно перебирать документы. На глаза ему попалась докладная записка:

«Супруга: Елена Викторовна Широкова (1969–2015). Причина смерти: продолжительная болезнь. Проходила лечение в частных клиниках в России, Германии и Швейцарии. Вследствие этого произошло исчерпание семейного капитала и продажа недвижимости: квартира в Хамовниках и дача под Истрой».

Жданов задумался.

— Возможно, она была в курсе каких-то дел, связанных с СМТ. А когда её не стало, они стали действовать смелее. Поэтому и такая пауза в десять лет.

Он перевернул страницу.

«Наследники: сын Николай Алексеевич Широков (род. 1992 г.). Образование: 1. Высшее, МГУ им. Ломоносова (кафедра русского языка и литературы, 2005), специальность — филолог; 2. Высшее, стратегический менеджмент (Государственный университет управления, 2008). По данным из открытых источников: филология была личным выбором Николая, а менеджмент он изучал по настоянию отца. Текущее место работы: преподаватель русского языка и литературы в школе № 248 (г. Одинцово). Семейное положение: не женат, детей нет».

Жданов задержал взгляд на строке про образование.

— Филолог… для души, а менеджмент для отца.

Он улыбнулся, но без радости.

— Значит, Широков старший не принимал увлечение сына всерьёз и хотел передать ему всё. Не просто деньги или статус. Он видел в нём преемника. И Николай этому не противился, иначе бы бросил. Учиться восемь лет после школы — не каждый выдержит. Значит, уважал решение отца, но и сам был не против.

Олег Николаевич закрыл папку.

— И что? — продолжил он вслух. — Сын учит детей «Мёртвым душам», а завещанная ему отцом компания скоро перестанет существовать. Николай научился управлять. Получил необходимые для этого знания и прошёл подготовку. Возможно, только из уважения к отцу. Это не так важно. А потом у него всё отняли.

Следователь встал, подошёл к окну. За стеклом выглянувшее из-за туч солнце дарило тепло всему, на что падали его лучи.

— Вот теперь… — сказал он, — у меня есть ключ. Человек, у которого всё было отнято, пусть не разом, а по частям. Сначала — отец. Затем будущее, которое ему строили, и право называться наследником. И наконец — мать. Он не просто потерпевший. Он жертва. И я помогу ему вспомнить, кем он должен был стать… Нужно с ним поговорить. Не как со свидетелем. Как с человеком, которому нужно вернуть то, что ему принадлежало по праву.

Жданов сел за стол и, открыв блокнот, записал: «Николай Широков. Одинцово. Ул. Кирова, 28. Кв. 147». Потом взял телефон и набрал номер Николая.

Наследник

В одиннадцать утра Жданов припарковался у подъезда панельного дома в Одинцово. Его встретили серое небо и редкие прохожие под зонтами. Николай сначала отказался встречаться, но, когда услышал, что появились новые факты о гибели отца, уже не возражал. Жданов прошел в подъезд и поднялся на седьмой этаж. Он нажал на звонок у квартиры номер 147.

— Кто? — раздался молодой, но хрипловатый голос.

— Олег Жданов. Мы с вами договаривались.

Дверь открылась, и перед следователем появился Николай Широков. Высокий, худой, в свитере с катышками. Карие глаза под густыми бровями, такие же, как у отца, смотрели устало и безразлично. Жданов снял плащ, повесил его на вешалку и прошел в комнату. Старая мебель, много книг, но в целом порядок и чистота. Никаких фото на стенах или столе не было. Только над кроватью висела одинокая картина, написанная маслом: средиземноморский пейзаж с домиком у моря и большим количеством цветов вокруг.

— Присаживайтесь, — сказал Николай, указав на кресло.

Жданов сел и принял расслабленную позу.

— Вы хотите поговорить о гибели отца? — спросил Николай, присев на стул.

— Да.

— Я думал, всё уже закрыто. Десять лет прошло.

— Иногда, — сказал Жданов, — закрытые дела оживают.

Он достал из портфеля лист.

— Это письмо пришло в прокуратуру от человека по имени Семён Карпов. Он был водителем вашего отца.

Николай на мгновение замер.

— Я его помню. Он возил папу до той аварии.

Жданов вынул письмо из конверта и положил на стол.

— Прочитайте.

Николай взял лист и стал медленно читать. Сначала на его лице было выражение недоверия. Потом оно сменилось заметным волнением.

«…Он хотел занять место Широкова во главе компании. Так и произошло. Алексей был мозгом компании, а Войтинский отвечал за финансовые вопросы и был знаком со всей кухней…»

Лист в руке Николая дрогнул.

— Это… правда?

— Пока не ясно, нужно проверить, — сказал Жданов. — Оснований для начала официального следствия сейчас недостаточно. Поэтому нужны вы.

— Я?

— Вы его сын и единственный наследник. Вы имеете право требовать пересмотра дела. Вы можете подать заявление в суд о возбуждении уголовного дела по факту убийства.

— Но… полиция же закрыла…

— Закрыла. Но если появится новое лицо, которое настаивает на расследовании, например член семьи жертвы, — тогда процесс возобновляется.

Николай опустил глаза и молчал.

— Я не знаю… Много лет прошло. Войтинский давно глава компании. Вы сами говорите, что прямых улик против него нет. Потом, все эти судебные дела очень дорого стоят. У него связи. Деньги. А я… я просто преподаватель.

— Вы — сын Алексея Широкова, — тихо сказал Жданов. — И вы имеете право знать, как умер ваш отец.

Он сделал паузу.

— Я сейчас говорю даже не о справедливости. Я говорю о памяти.

Николай поднял глаза.

— А вы… кто вы по этому делу?

— Человек, которого попросили помочь во всем разобраться. Не от прокуратуры или полиции. Если вы об этом.

— Значит, вы частное лицо?

— Да. И я готов представлять ваши интересы, если вы дадите согласие. Так можно сдвинуть процесс с места.

— И что вы хотите от меня?

— Подписать договор со мной. Это развяжет мне руки и даст возможность действовать официально. Потом, как наберется достаточно улик и фактов, с ними можно идти в суд. Подать заявление о возбуждении дела об убийстве.

— Значит, если я подпишу с вами договор, вы будете вести расследование?

— Можно и так сказать. Я начну собирать факты и складывать их в единую картину. А вы дадите мне основание начать работать. Главное, что вы должны понять: когда сын говорит: «Мой отец был убит» — это звучит иначе, чем когда говорит следователь.

Николай встал и подошёл к шкафу с книгами.

— Не знаю почему, но я чувствовал, что это не просто несчастный случай. Папа всегда был очень аккуратен во всём, что делал, за рулем особенно.

Николай обернулся.

— Хорошо. Я подпишу с вами договор.

Жданов кивнул и достал из кожаной папки файл с листом А4.

— Отлично. Прочитайте и подпишите. Вот моя визитка, чтобы мы с вами всегда могли быть на связи.

Николай поставил подпись не читая. Потом посмотрел следователю прямо в глаза и спросил:

— Неужели это правда, про Войтинского? Он был другом нашей семьи и старался помогать, когда…

— Мы это выясним, — сказал Жданов, убрав свой экземпляр в папку. — Друг он вам на самом деле или нет.

Он встал.

— Я буду держать вас в курсе. А вы — будьте готовы к тому, что на вас могут давить.

— Я не боюсь, — твердо сказал Николай. — Последние годы были настолько тяжелыми, что теперь страха нет.

Жданов улыбнулся — впервые за весь разговор.

— Тогда начинаем.

Олег Николаевич вышел на улицу. С неба стал накрапывать дождь, но он его не чувствовал. Жданов был доволен визитом и его результатом. Теперь у него было основание. Не прокурорское постановление или приказ, а договор с сыном. Однако для разговора с Войтинским этого было ещё недостаточно. Жданов был знаком с Виктором Лебедевым — инженером, который участвовал в проектировании отдельных узлов Лефортовского туннеля, а позже занимался их обслуживанием. Кроме того, Лебедев был Жданову кое-чем обязан.

— Пора познакомиться с этим туннелем, — решил Олег Николаевич, — а кто разбирается в нём лучше инженера-проектировщика.

На его удачу, Лебедев был дома и согласился переговорить, и Жданов сразу к нему поехал. Осеннее солнце заливало небольшую кухню тёплым светом. На столе стояли две фарфоровые чашки и блюдо с домашним штруделем. Жданов сидел напротив инженера — худо-

щавого, жилистого человека в домашнем халате. Следователь заметил в глазах собеседника настороженность.

— Виктор, — начал Жданов, — ты ведь проектировал Лефортовский, а значит, знаешь его изнутри. Что может быть не так с этим туннелем?

Инженер покрутил в руках свою чашку и поставил, так и не сделав глоток.

— А тебе зачем?

— Дело одно старое поднять хочу. В 2007-м там человек разбился, а почему — не ясно.

— Действительно старое. Ну… — протянул Лебедев, будто обдумывая каждое слово, — технически там всё по нормам. Хотя были нюансы, конечно.

— Какие?

— Вентиляция, — сказал инженер, потерев подбородок. — Таких длинных туннелей тогда в Москве ещё не было. А этот почти два с половиной километра. Как открыли, сразу нагрузка пошла на пределе. Кроме того, что поток машин большой, так ещё и пробки, особенно в час пик…

— Вентиляция не справлялась?

Лебедев кивнул.

— В первые годы много жалоб было. Головные боли у водителей, иногда ощущение, будто давит на виски.

— Это было на всём протяжении?

— Нет. Только в середине туннеля. Примерно на 1,2–1,3 км. Вентиляционные шахты не справлялись с объёмом выхлопа.

— А потом?

— Потом доработали систему. К 2004-му ситуация уже стабилизировалась. Поставили новые вентиляторы, перенастроили датчики, и проблемы ушли.

Жданов молчал.

- «1,3 км», — отметил он про себя. То самое место, где Широков попал в аварию. Но к тому времени с вентиляцией всё было нормально.

— А кто этим занимался? — спросил он. — Кто дорабатывал систему?

— Эту работу выполняла СМТ. Они взяли на себя контроль за техническое сопровождение.

Жданов кивнул.

— Но аварии продолжались и после этого, хотя и в меньшем количестве.

— Они вообще случаются на дорогах, где-то чаще, где-то реже. Думаю, что всё, что было необходимо сделать, там сделали.

— Разве никто не пробовал поизучать эту проблему уже после всех отладок? — спросил Жданов так, будто уже знал ответ.

Лебедев помедлил.

— Был один человек… — наконец сказал он. — Сотрудник НИИ строительной физики, специалист по акустике и аэродинамике. Работал с нами по контракту. Вот он говорил, что проблема не только в вентиляции.

— В чём же?

— У него была теория, что при определённых условиях воздушный поток создаёт низкочастотные колебания. Инфразвук.

— Инфразвук?

— Да. Ни слышно, ни видно. Но влияет на мозг. Может вызывать дезориентацию, панику, галлюцинации. Особенно у людей с повышенной чувствительностью. Но это всё в теории, в которую, кроме него, никто особо не верит.

— И что с ним сейчас?

— Не знаю. Он уволился, или его ушли. Правда, потом он всё равно продолжил в этом копаться.

— Он жив?

— Жив. Но… — Лебедев вздохнул, — по-моему, не совсем в себе. Ведет блог под названием «Тайны Москвы» или что-то в этом роде. Конспирология какая-то.

— И ты читаешь? — удивился Жданов.

— Нет, что я, совсем что ли. Просто он ссылку присылал.

— Как его зовут?

— Аркадий Сергеевич Грачев. Живёт в Выхино, адрес я тебе напишу. У него там полный архив: схемы, расчёты, записи с датчиков. Годами собирал. Он может показаться тебе странным, но поговорить с ним стоит.

— Почему?

— Потому что он единственный, кто до сих пор верит, что в Лефортовском туннеле был скрытый фактор, влиявший на аварийность.

Жданов встал.

— Спасибо, Виктор Петрович.

— Надеюсь, что помог, — ответил инженер.

Войтинский

Теперь Жданов был готов к встрече и уже набросал в голове план разговора с Войтинским. Так же, как и Николай, глава «ГрадоВека» согласился на встречу только после того, как прозвучала фамилия Широкова. Без четверти три Олег Николаевич был в офисе компании на Ленинском проспекте. Новое здание с отделкой стеклом и хромом. Жданов вошёл внутрь и оказался в большом холле со стенами, облицованными красным гранитом. Он был наполнен запахом кофе и необычной для строительной фирмы тишиной.

— На офисе экономить не стали, — подумал следователь и прошёл к ресепшн, за которым сидела девушка в строгом костюме.

— Олег Николаевич Жданов. У меня встреча с Виталием Игоревичем.

— Проходите, — кивнула девушка. — Он вас ждёт. Третий этаж направо.

Стеклянная кабина лифта бесшумно притормозила на нужном этаже. Жданов повернул направо и сразу увидел перед собой дверь с табличкой: «Генеральный директор». Рядом скучающий охранник.

— Не слишком ли для генерального строительной компании? — мелькнула мысль.

Охранник молча открыл перед Ждановым дверь. Следователь вошёл в кабинет и сразу заметил Виталия Войтинского. Он стоял у окна. Высокий, подтянутый, лет пятидесяти, в идеально сидящем костюме, подчёркивающем спортивную фигуру. Волосы с проседью на висках, зачёсаны назад. На лице застыла вежливая, но без тени тепла улыбка.

— Олег Николаевич, насколько я помню, — произнёс он, не протягивая руки.

— Да.

— Присаживайтесь.

Войтинский указал на стул перед его столом с антрацитовой столешницей и прошёл к своему креслу.

Жданов без церемоний сел и вынул из портфеля блокнот.

— Благодарю, что приняли.

— Вы сказали, что дело личное и касается Алексея.

— Да. Я действую от имени его сына, Николая Алексеевича Широкова.

Войтинский чуть вскинул бровь, показывая удивление, но Жданов сразу заметил фальшь.

— Понимаю.

— Недавно в прокуратуру Москвы поступило письмо от Семёна Карпова — бывшего водителя Алексея Широкова. В нём содержатся серьёзные обвинения против вас.

— Мне об этом ничего не известно, и я никогда не был с ним знаком. Из прокуратуры ко мне не приходили и не информировали. Так что мне нет дела, что там пишет этот Карпов, — спокойно проговорил Войтинский.

В этот раз Жданов заметил, как на мгновение сжались его губы.

— Врать он умеет плохо и про письмо уже знает, — подумал следователь.

— Тем не менее, — продолжил он, — письмо стало основанием для рассмотрения вопроса о пересмотре дела. Особенно учитывая, что сын жертвы настаивает на этом.

— И что он хочет?

— Правды.

— А вы?

— Я его представитель, поэтому хочу того же, но предлагаю избежать шума. Пока это ещё можно.

Войтинский сложил пальцы в замок.

— Шума?

— Да. Публичного расследования. Судебных разбирательств. Проверок со всеми вытекающими.

— Вы угрожаете?

— Нет. Я предлагаю.

Повисла пауза.

— И в чём состоит предложение?

— В компенсации.

— На каком основании? Обвинений против меня не выдвинуто, а если и будет, то я скорее заплачу юристам, а не вам.

— Я вас ни в чём не обвиняю. Я хочу донести до вас простую мысль. Если камень столкнули с горы, просто стоя в стороне, его не остановишь. Этот вопрос может быть урегулирован в досудебном порядке, если мой клиент будет удовлетворён. Без его заявления дела не откроют. Я предлагаю обойтись без прокуратуры и СМИ. Без разрушения того, что осталось от компании, которую всё ещё связывают с именем Широкова. Пока это ещё возможно.

Войтинский молча смотрел в окно, при этом ритмично ударяя пальцами по столу. Жданов решил прервать молчание.

— Виталий Игоревич, вы не напомните, сколько стоит «ГрадоВек» сегодня?

— Приблизительно 600 миллионов, — произнёс Войтинский, сразу перестав барабанить по столу.

Очевидно, он не ожидал такого вопроса.

— А сколько она стоила в 2007-м?

— Мм, я сейчас не помню, нужно посмотреть.

— Я напомню. Около 1,2 млрд.

— И вы думаете, что я тот злодей, кто уничтожил эту компанию и обрушил её стоимость?

— Я не думаю. Я уточняю. Так вы согласны на урегулирование вопроса?

— Что будет, если я откажусь?

— Тогда Николай Широков подаст иск. О возбуждении уголовного дела по статье 105 УК РФ — убийство.

— На основании письма?

— На основании письма и ряда других обстоятельств… — Жданов открыл блокнот и прочитал: — Показаний инженеров, работавших с туннелем, а также с учётом технических факторов, которые могли привести к гибели Алексея Викторовича. И наконец, финансовых манипуляций с активами компании после его смерти.

Войтинский медленно кивнул.

— Вы хорошо подготовились.

— Я стараюсь не терять время.

— А если я скажу, что ничего не знаю об этих факторах? Что я просто взял на себя руководство компанией в тяжёлый момент? Что я спасал людей, проекты, репутацию?

— Тогда, — пожав плечами, ответил Жданов, — я скажу, что вы — герой. Которому, впрочем, придётся ещё доказать это.

— И как?

— Ответить на неудобные вопросы. Открыть доступ к документам. А дальше независимая экспертиза проверит, была ли возможность подстроить гибель Широкова. Если такая возможность была, то у вас будет очень слабая позиция.

— Или заплатить?

— Или заплатить.

Войтинский недобро улыбнулся.

— Вы хороший игрок, Олег Николаевич.

— Не думаю, что это игра. К тому же я не азартен.

— Кто же вы?

— Просто профессионал в своём деле.

— А разве профессионалы не должны действовать в рамках закона?

— Я о них никогда не забываю, но сейчас для меня важны интересы сына.

Войтинский встал, подошёл к бару и налил себе воды в стакан.

— Я подумаю. Через три дня дам ответ.

— Хорошо, — кивнул Жданов, вставая. — Хотя я не знаю, сколько будет готов ждать Николай.

Он подошёл к двери.

— И, Виталий Игоревич… Не путайте тишину с покоем. Не становитесь героем, это не ваше амплуа.

Войтинский подождал, пока закроется дверь, и с жадностью выпил стакан воды. Он прошёл к столу и, рухнув в кресло, обхватил голову руками.

Жданов приехал домой в приподнятом настроении. Если Войтинский виновен, он не будет сидеть сложа руки. А если он действовал вместе с СМТ, то они тоже. Олег Николаевич уже мог поговорить с Митрошиным, чтобы обсудить следующие шаги, но перед этим он решил пообщаться ещё с одним человеком. После разговора с Лебедевым ему не давал покоя тот учёный, о котором он говорил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.